

Ю.Е. Березкин

ГИПОТЕЗА АФРИКАНСКОЙ ПРАРОДИНЫ И АСТРАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Работа выполнена на основе электронного каталога фольклорно-мифологических мотивов, работу над которым поддерживают РФФИ (проект 04-06-80238), программа Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и ИНТАС (проект 05-1000008-7922). Каталог (в том числе резюме упоминаемых в статье текстов и их источники) доступен на сайтах <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin> и <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?root=/usr/local/www/data/berezkin>

Статистическая обработка глобального распространения фольклорно-мифологических мотивов выявила нейтральное положение Африки в общей картине. Речь идет не о всех мотивах (таковых сейчас в нашем каталоге около 1400), а о тех из них, которые чаще всего используются в космологических и этиологических сюжетах и отражают представления об окружающем мире и человеке. Мотивы с подобной тематикой составляют 40–45 % от общего числа. Картину распространения мотивов данной группы определяют два основных территориальных комплекса — континентально-евразийский и индо-тихоокеанский [Березкин 2006а]. Свидетельства в пользу их существования появились еще на ранних стадиях работы и в дальнейшем все множились. Континентально-евразийский комплекс максимально выражен от Монголии и Якутии до Балкан и Кавказа, обнаруживая также соответствия в Северной Америке. Индо-тихоокеанский комплекс представлен в пределах юго-восточной и восточной окраины Азии (от неарийской Индии до Чукотки), в Австралии, Океании и Америке, а максимально выражен в Южной и Центральной Америке и Меланезии.

Еще в 2005 г. стало ясно, что все семь или восемь мотивов, которые чаще всего используются в мифах о происхождении смерти в пределах индо-тихоокеанской половины мира, но не используются в континентальной Евразии, представлены также и в Африке южнее Сахары [Березкин 2007]. Логично было решить, что африканский набор космологических и этиологических мотивов и в целом будет похож на наборы мотивов, типичные для индо-тихоокеанской зоны. Систематическое включение в базу данных материалов по мифологиям Африки, осуществленное на протяжении 2006 г., опровергло это предположение. Как только что было сказано, Африка заняла нейтральное положение.

Чтобы прояснить дело, в пределах всей совокупности космологических и этиологических мотивов были выделены более узкие тематические группы. В первую вошли мотивы (числом 163), имеющие отношение к представлениям о небесных телах и атмосферных явлениях, во вторую (числом 97) — касающиеся антропо- и социогенеза, представлений об анатомии и физиологии человека и разного рода отклонениях в этой области. Оказалось, что первая группа характерна главным образом для континентально-евразийского комплекса, причем именно она отражает азиатско-североамериканские связи. Свой набор астральных мотивов есть и в Южной и Центральной Америке, но за пределы этих регионов он не выходит. Вторая же группа мотивов, напротив, оказалась специфичной для индо-тихоокеанского комплекса, причем именно на нее приходится основная доля амазонско-меланезийских аналогий.

О том, что в Африке южнее Сахары астральные представления слабо разработаны, писали многие этнографы и миссионеры. Однако отсутствие в Африке также и «физиологически-анатомических» мотивов стало неожиданностью. Характерен пример мотива «зубастого лона», популярного в племенной Индии, вдоль всего тихоокеанского фронта Азии, в Северной Америке и на большей части Южной Америки (кроме крайнего востока и юга), но совершенно не известного ни в Африке, ни в Австралии.

Подобное распределение мотивов хорошо соответствует гипотезе генетиков относительно выхода предков современного человека из Африки 50–70 тыс. лет назад и последовавшего затем разделения миграционного потока на две части [Metspalu et al. 2004]. Одна часть мигрантов продолжала двигаться вдоль побережий Индийского и затем Тихого океанов, а другая примерно от района Персидского залива направилась к северу и заселила приледниковые области Евразии. До начала расселения культура ранних сапиенсов была весьма примитивной, а ее усложнение в континентально-евразийской и индо-тихоокеанской зонах протекало самостоятельно. Наличие двух главных комплексов мотивов мировой мифологии и является результатом такого независимого развития. Тот же мотив «зубастого лона» скорее всего появился где-то в Юго-Восточной Азии, причем достаточно поздно. Он мог быть не известен не только тем людям современного типа, которые первыми проникли в Австралию, но и самым ранним группам, достигшим Южной Америки (отсюда его отсутствие в Патагонии, на Огненной Земле и у народов семьи *же* на Бразильском нагорье). В заселении Нового Света приняли участие популяции, принесшие в Америку элементы обоих комплексов, причем индо-тихоокеанские мотивы проникли несколько раньше. Соответствен-

но они оказались представлены по всему Новому Свету, а элементы континентально-евразийские распространились в основном лишь в Северной Америке.

Сделанное заключение не исчерпывает, однако, сути проблемы. Для индо-тихоокеанского комплекса мы действительно имеем значительное число своего рода «путеводных нитей», т.е. цепочек мотивов, тянущихся из Африки в Южную и далее в Юго-Восточную Азию, затем вокруг Тихого океана в Америку с ответвлениями в Меланезию-Австралию, в Микронезию-Полинезию и, возможно, в Западную Сибирь [Березкин 2006b]. Эти нити переплетаются и в совокупности образуют довольно прочный «канат». С континентально-евразийским комплексом ситуация иная. Его отличия от индо-тихоокеанского ярки и несомненны, но свидетельства его связи с Африкой южнее Сахары менее очевидны. Одно из возможных объяснений — резкие изменения в культуре в ходе расселения сапиенсов в северном направлении и вынужденного приспособления к совершенно новым природным условиям. Зависимость между мифологией и любыми внешними факторами опосредована и слаба, однако общая резкая культурная перестройка могла привести к более быстрой смене мифологического репертуара и более полной, чем в случае с мифологиями Южной Азии или Австралии, утрате африканских традиций. В принципе этого объяснения достаточно, но следует признать, что возможно и другое.

Если генетики категорически настаивают на том, что все современное человечество целиком происходит от относительно недавних африканских предков, то многие специалисты по археологии евразийского палеолита и антропологи как минимум допускают возможность метисации между пришедшими из Африки сапиенсами и более архаическими популяциями на территории от Алтая до Западной Европы. Для индо-тихоокеанской зоны фактов в пользу подобной метисации значительно меньше. Оставаясь в границах фольклористики и игнорируя генетику, участие в формировании континентально-евразийского набора мотивов местных не-сапиенсов так же хорошо объясняет выявленную картину, как и гипотеза африканской прародины в ее чистом виде. Могли ли у неандертальцев быть подобные представления — вопрос другой, и на него сейчас вряд ли можно ответить.

Среди космологических и этиологических мотивов особую ценность для прослеживания далеких связей имеют представления о таких объектах, которые, во-первых, заведомо известны представителям всех культур, а, во-вторых, могут быть истолкованы множеством способов, так что вероятность случайного появления одинаковых толкований невелика. К числу такого рода объектов относятся те, которые мы наблюдаем на ночном небе.

Хотя, как только что было сказано, астральная мифология для Африки не характерна, есть все же редкие случаи, когда представления о звездах, фиксируемые за пределами Африки, находят аналогии и на этом континенте, причем южнее Сахары.

Во-первых, это противопоставление Ориона и Плеяд как мужского начала женскому (обратная оппозиция у индонезийских ментавай скорее всего объясняется характерным для многих австронезийцев образом Плеяд как группы юношей, а не девушек). Орион (чаще Пояс Ориона, чем все созвездие с привычной для нас конфигурацией) и Плеяды есть единственные небесные объекты, помимо солнца, луны и Млечного Пути, которые знакомы многим обитателям Африки южнее Сахары. Можно допустить, что подобная оппозиция оформилась еще до выхода сапиенсов из Африки и затем тысячелетиями воспроизводилась по всему миру. Речь, однако, идет не о специфических евразийско-африканских связях, а о распространении данного образа в разных регионах, в том числе (и даже преимущественно) индо-тихоокеанских.

Второй астральный сюжет — «космическая охота». Он характерен для континентальной Евразии и Америки и не известен в пределах индо-тихоокеанской окраины Евразии, в Океании и Австралии [Березкин 2005; 2006]. У кисонге и луба-касаи в Конго Пояс Ориона есть дичь, охотник и собака [Studstill 1984: 127–31], а у темне в Западной Африке охотник-Орион стреляет в наседку с цыплятами (Плеяды). В последнем случае идентификация персонажей с определенными астральными объектами не вполне надежна, но все-таки вероятна [Hirschberg 1929: 326–327]. Можно предположить, что образ Ориона-охотника был перенесен из Африки в континентальную Евразию, оставшись вне мифологического репертуара индо-тихоокеанских популяций. При этом в Евразии Орион (в качестве ли охотника или в качестве дичи) остался по периферии ареала сюжета космической охоты, тогда как на большей части Сибири (кроме южной и заполярной) он был замещен в данном сюжете Большой Медведицей. Дальнейшая детализация представлений привела к выделению маленькой звездочки Алькор (рядом с Мицаром — второй звездой ручки ковша Большой Медведицы) и отождествлению ее с весьма специфическими объектами, такими как собака и котелок [Березкин, в печати]. Наличие тех же представлений в Северной Америке свидетельствует об их значительной древности (порядка 10 тыс. лет).

Плеяды в Африке не обязательно истолковываются мифологически, нередко это просто небесный объект, чей гелиакальный восход отмечает начало нового года. Порой Плеяды — это один персонаж, иногда группа девушек, но наибольший интерес представляет интерпретация созвездия как курицы с цыплятами, пти-

чьего гнезда или чего-нибудь в том же роде. Подобное толкование характерно для Западной Африки, известно шари-нильскому народам Судана, но, по-видимому, не знакомо ни банту Центральной и Южной Африки, ни бушменам и готтентотам. Плеяды считаются за курицей, уткой, гнездом и т.п. и по всей Европе. Этот же образ есть в Сибири у ненцев, манси, хакасов, но он зафиксирован также на Таити и у народов северо-восточной Индии (кхаси), Индокитая (тайцы, банар, вероятно, кхмеры) и Индонезии (даяки). Другой северо-евразийский образ Плеяд как чего-то дырявого (сито, решето) в Африке не известен.

Данные факты как будто свидетельствуют в пользу африканских истоков евразийско-североамериканской астральной мифологии. Вместе с тем географическая близость Африки и Евразии всегда позволяет объяснять общие культурные элементы более поздними и разновременными контактами. Осторожнее заключить, что изучение мифологии само по себе не способно ни подтвердить, ни опровергнуть возможность сохранения в нашей культуре каких-либо других элементов, кроме как восходящих к культуре первых мигрантов из Африки. Однако детализация знаний об ареальном распространении мотивов существенно обогащает те реконструкции прошлого, которые строятся на материалах наук, специально ответственных за изучение отдаленных периодов истории — археологии, физической антропологии и популяционной генетики.

***

Березкин Ю.Е. Космическая охота: варианты сибирско-североамериканского мифа // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2 (22). С. 141–150.

Березкин Ю.Е. Евразийская прародина аборигенов Америки (анализ ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Кн. 1. М.: Наука, 2006а. С. 228–240.

Березкин Ю.Е. Фольклорно-мифологические параллели между Западной Сибирью, северо-востоком Азии и Приамурьем — Приморьем (к реконструкции раннего состояния сибирской мифологии) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006b. № 3 (27). С. 112–122.

Березкин Ю.Е. Происхождение смерти — древнейший миф // Этнографическое обозрение. 2007. № 1.

Березкин Ю.Е. Алькор, котелок и собака // Сценарий жизни — сценарий нарратива. М.: РГГУ (в печати).

Berezkin J. The cosmic hunt: variants of a Siberian — North-American myth // Folklore (Tartu). 2006. No. 31. P. 79–100.

Hirschberg W. Die Plejaden in Africa und ihre Beziehung zum Bodenbau // Zeitschrift für Ethnologie. 1929. Bd. 61(4–6). S. 321–337.

Studstill J.D. Les Desseins d’Arc-en-ciel: Ўпорич chez les Luba du Запе. Paris: Ыditions du Centre Nacional de la Recherche Scientifique, 1984. 169 p.

Metspalu M., Kivisild T., Metspalu E., Parik J., Hudjashov G., Kaldma K., Serk P., Karmin M., Behar D.M., Gilbert M.T.P., Endicott P., Mastana S., Papiha S.S., Skorecki K., Torroni A., Villems R. Most of the extant mtDNA boundaries in South and Southwest Asia were likely shaped during the initial settlement of Eurasia by anatomically modern humans // *BioMed Central Genetics*. 2004. Vol. 5. P. 1–23.

М.И. Василенко

ПОЭТЫ-КОНТРАБАНДИСТЫ СИНАЯ В ТРАДИЦИОННЫХ СТИХАХ И ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ

Во второй половине XX в. для большинства арабских кочевников единого бедуинского мира уже не было, однако он существовал для контрабандистов. Для них как будто бы не было государственных границ. Пути распространения поэзии стали нелегальные маршруты, а лучшими поэтами Синайского полуострова — контрабандисты. Бывая во всех частях бедуинского мира, они не только приобретали массу необходимых впечатлений, но и обогащали свой потенциал за счет общебедуинского запаса поэтических формул, образов и сравнений. Это крайне важно, поскольку бедуинские стихотворцы конца прошлого столетия оставались носителями древнего типа художественного создания.

Полевой опыт этнографа Ицхака (Клинтона) Бейли подтверждает эти соображения. Как-то раз он засиделся до полуночи в палатке известного поэта из племен северного Синая. Вдруг бедуин, для которого поэзия, казалось, была делом жизни, не выдержал и воскликнул: «Доктор, да оставь ты эти стихи, и давай перейдем к более серьезной теме!». «Что может быть серьезнее поэзии?» — удивился Бейли. В ответ стихотворец предложил ученому сделку. Бейли имел возможность перемещаться по Синайскому полуострову и сектору Газа, не вызывая подозрений, в то время как бедуинов военные и полиция подвергали всяческим проверкам. Поэт предложил гостю прибыть в указанное место на территории сектора Газа, получить груз гашиша и опиума, привезти его обратно и тут же получить тысячу долларов. Бейли вежливо отказался. Бедуины поняли его по-своему и увеличили размер обещанного вознаграждения до шестидесяти тысяч. Ученый извинился и сказал, что такое дело все-таки не для него. Поэт посмотрел на него с нескрываемым презрением и спросил без обиняков: «Скажи, тебе не присуще самоуважение? ... Ведь если ты не заработаешь денег, тогда как будешь приглашать гостей? Откуда возьмешь козу или овцу, чтобы зарезать в их честь? ...Смотри, что произошло с твоим приятелем Слейманом! Он перестал зани-